

Ольховиков Константин Михайлович**Oikhovikov Konstantin Mikhailovich**

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета

D.Phil., Professor,
Social Science and Technologies of
State and Municipal Administration Department,
Ural Federal University

Ольховикова Светлана Валерьевна**Oikhovikova Svetlana Valeryevna**

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета

PhD, Assistant Professor,
Social Science and Technologies of
State and Municipal Administration Department,
Ural Federal University

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: ПОИСКИ АРХАИЧНОГО ИЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО?

THE HUMAN LIFEWORLD: SEARCHING FOR THE ARCHAIC OR REHABILITATING THE QUOTIDIAN?

Аннотация:

В статье анализируется одна из ключевых категорий неклассической социологии «жизненный мир человека». В целом проблемное поле понимания этой категории образовано контекстами человеческой природы, человеческого развития, человеческого повседневного существования. Категория жизненного мира человека коррелирует на уровне смысловых оснований с конструктами социального действия, стандартными типовыми переменными, социальными формами общения. Прояснение этой категории избавляет социологическое мышление от ловушек «цивилизационной прогрессивности».

Ключевые слова:

жизненный мир человека, человеческое развитие, жизненная задача, цивилизационное развитие, феноменология, коммуникативное действие, стандартные типовые переменные, социальная антропология.

Summary:

The article deals with one of the key categories of non-classical sociology that is human lifeworld. In general, the problem area of understanding this category is constituted by contexts of human nature, human development, and human quotidian existence. The category of human lifeworld correlates to the level of semantic grounds with social act constructs, pattern variables, and social forms of communication. Clarifying this category eliminates the sociological thinking from the pitfalls of “civilizational progressivism”.

Keywords:

human lifeworld, human development, life task, civilizational development, phenomenology, communicative act, pattern variables, social anthropology.

Терминология жизненного мира успешно была перенесена из популяционной биологии в антропологию, далее в теорию действия и, наконец, в прикладные модели организационной культуры. При этом последующие смыслы всякий раз становились семантически доминирующими. Безусловно, изначальный позитивный конструкт схватывал основные методологические возможности категории, прежде всего в установлении параллельных, пересекающихся, сравнимых по разным основаниям видовых способов ориентирования. Однако перенос этих структуриаций в область человеческих действий уже не позволяет свободно оперировать видовыми различиями, что и привело к большому числу контекстов и динамических вариаций применения термина «жизненный мир» [1]. Жизненный мир человека лишен достоинств предсказуемости, но заведомо выражает вариации оснований и перспектив существования и событийности. Собственно, этот мир и состоит из одних вариаций, вариации – его основания.

Но вот что касается перспектив, здесь все выглядит значительно менее очевидно. Весьма показательна манифестация терминологии человеческого развития в международных отчетах. В 2015 г. речь шла о расширении понимания человеческого развития: «...Первый отчет о человеческом развитии в 1990 г. начался с простого утверждения, что развитие состоит в расширении выборов людей, фокусируется на богатстве человеческих жизней, а не только на богатстве экономик» [2, р. III]. А уже в отчете за 2016 г. (это последний из представленных авторитетных отчетов) недвусмысленно обозначена категория универсализма: «Человеческое развитие все состоит из человеческих свобод: свободы реализовать полный потенциал каждой человеческой жизни – не лишь немногих и не большей части, но всех жизней в каждом уголке мира, сейчас и в будущем. Такой универсализм дает подходу человеческого развития его универсальность» [3,

р. III]. Фактически широкое видение социокультурной динамики человеческого существования сменяется аксиомой самоценности человеческих начинаний как таковых.

Хрупкость жизненной задачи любого рода живых существ безусловно взаимосвязана с жесткостью и надежностью решений, и дело не исчерпывается одними только инстинктивными схемами поведения, но затрагивает, так сказать, «интерактивную морфологию выживания». Скрупулезно анализируя в рамках широкой академической альтернативы понятие человеческого развития в отчетах международных фондов, оксфордский исследователь резонно замечает: «Фокусное расстояние всегда оставалось последовательным – жизни людей и их способности» [4, р. 10]. С этой точки зрения жизненная задача человека не обладает достаточной жесткостью или надежностью, что отчасти приводит к отсутствию хрупкости выживания человечества в целом, не распространяясь на отдельные компоненты инструментального, морфологического, интерактивного свойств. При этом фактическое осмысление рисков отодвигается на периферию социального мышления, как будто забываются слова Ульриха Бека о том, что «нарратив риска – это нарратив иронии» [5, р. 329]. Стратегия размыта и неплоха, хотя и состоит из достаточно хрупких элементов. Риск становится интегральной характеристикой жизненной драмы человечества.

Так что же делает эффективным и привлекательным термин «жизненный мир человека»? Возможно ли на актуальном этапе существования человечества достаточно отчетливо сформулировать его инвариантную основу, своего рода общий знаменатель признаваемых детализаций и работающих моделей жизненного мира человека? Полагаем, что ключ к построению такого фрейма лежит в обращении к той семантической ретроспекции, о которой говорилось выше.

Итак, мы имеем в целом достаточно типичную для социально-технологического этапа развития гуманитарного знания ситуацию, когда позднейшие новации видимым образом обобщают предшествующие исторически фазы смысла, снимают их, порождая уверенность доступного интегрального понимания. Действительно, «жизненный мир – это не понятие в классическом смысле, так как мы не можем дать ему строгое определение. Определения жизненного мира, как правило, описательны, размыты. Такие слова-понятия относятся к концептам (включают в себя множество разных значений, изменяющихся в зависимости от ситуации, в которой они употребляются)» [6, с. 7]. В значительной степени в роли наглядного примера здесь может выступить актуальное понимание цивилизации в эпоху распространения интернета и развития IT-технологий. Все хорошо или даже не очень хорошо забытое старое мгновенно означает заново в сиюминутной ситуации координат повседневного действа. Степень вовлеченности в рынок информационных услуг, характер потребления информационных технологий и участие в их продвижении стали весьма надежными индикаторами социального возраста личности: «Проблемы виртуализации жизненного пространства человека, складывания информационного социума, мощного сектора сферы услуг и развлечений становятся объективными факторами развития новых аддикций и несвободы современного человека» [7, с. 17]. Вместе с тем и само ностальгирование по доцифровой эпохе приобретает волнообразно непредсказуемый характер в силу того обстоятельства, что периодические частные отвержения информационной социальности заведомо различны для людей, чья первичная социализация включала или не включала информационные социальные отношения. В целом справедлив вывод социологов о том, что основные институциональные агенты социализации и определяют жизненный мир молодежи, особенно учащейся: «Органы государственной власти, общественные организации (в том числе и образовательные), СМИ во многом определяют содержание жизненного мира студентов, которое, по сути, выступает как смысловые структуры их повседневных рутинных практик» [8, с. 26]. При этом меняется и природа этого симбиоза публичной информации и жизненного мира человека: «Массмедиа являются формой самонаблюдения, самоописания и саморефлексии общества, включая измерение жизненного мира» [9, с. 40].

В любом случае незавершенность социально-антропологических трактовок жизненного мира человека не связана с невыполнимостью методологической программы интеграции наук и технологий с точки зрения их отношения к человеку, которая восходит к М. Шелеру. И не только потому, что феноменологическая редукция не устраняет наивной точки зрения, а еще и потому, что феноменология как таковая не обладает устоявшимся когнитивным статусом и не освоена вполне социально-технологически. Общий смысловой контекст социально-антропологической установки остается вполне конкретным: «Идеи “прогресса” и “регресса” не выводятся из эмпирического наблюдения фаз жизни как таковой – они суть выбранные вехи, которые мы применяем к себе, к другим и к истории» [10, р. 12–13].

Феноменология жизненного мира человека оказывается междуцарствием этологических дескрипций и идеологических манипуляций. Будучи помноженной на возможности информационной интерактивной социальности, она не дает надежного критерия для сравнительного анализа возникающего разнообразия смысловых направлений человеческой жизнедеятельности.

М. Хайдеггер в своей речи памяти Шелера (21 мая 1928 г., Марбург) говорил о «неустанном мужестве встречать вещи лицом к лицу... то, что пока еще туманно вытанцовывает время перед нами» [11, р. 160]. Актуальная ломка и расщепление ранее сложившихся смысловых конструктов тем более не оставляет шансов для эмпирического решения сложившейся ситуации в осмыслении цивилизации.

Величие методологического фрейма коммуникативного действия, которым мы обязаны наследнику франкфуртской школы Ю. Хабермасу, казалось бы, уже обозначило болевые точки постижения жизненного мира человека в его актуальной динамике, уйдя от статичных классификационных методологических претензий социально-антропологических программ. Общий контекст социальной регуляции вполне инвариантен в ходе любых жизненных трансформаций: «Моральные правила – это хрупкие конструкции, защищающие одновременно фюсис от телесных ран и личность от внутренних символических ран» [12, р. 33–34]. Но это величие масштаба показывает уровень решения задачи в ее постановке, несравнимой с предшествующей. При этом обе постановки корректны и методологически востребованы. Отсутствие очевидной универсальности в постановке вопроса социального действия как развертывания более широкого набора моделей рациональности вообще изначально не связано с темой жизненного мира человека и, не будучи подобной ему, позволяет весьма точно описывать статус его актуальных перспектив. За эти отчетливые характеристики ухватывается исследовательское направление, связанное с построением прикладных моделей организационной культуры. Но эти успехи заведомо прагматичны, избегают концептуализаций общенаучного уровня.

Наша гипотеза состоит в том, что жизненный мир человека динамически неоднороден и фрагментарно представлен в повседневности любого исторического периода. Это процессы социального ориентирования, выражающие допустимую меру обезличенности человека.

Смыслы и установки человеческого присутствия – душа социально-антропологического обращения к действительности. Филигранные аналитические исследования несут свет понимания значений человеческих культур, вполне отвечая вере гуманистов и утопии просветителей. Вместе с тем исследования манер (поведенческих стереотипов), нравов и ментальностей, оснований социальной нормативности (абсолютного и относительного в нормах), способов кодификации норм и ментально-эмоциональных ожиданий и стереотипов и, наконец, проблематика культурных ценностей создают успешный образ методологической незавершенности социально-антропологического знания. Неполнота методологии заставляет всякий раз начинать с характеристики исходных понятий, предлагать авторскую версию оснований социально-антропологического исследования. Это прекрасный шанс для всякого начинающего энтузиаста, но для науки это затянувшийся этап предварительных поисков, когда не только результаты и последующие технологии переработки полученных данных, но и технологии получения этих данных в целом неясны.

Безобъектность не означает полной релятивизации. Более того, поиски относительных вариаций жизненных миров, которые изобилуют на различных смысловых и динамических их уровнях, позволяют рассматривать предметные основания этих вариаций в качестве локальных абсолютных критериев: локальных, поскольку вряд ли стоит искать абсолютной тождественности таких формулировок вне контекста; абсолютных, поскольку принципиальный набор категориальных оснований вполне обладает свойствами универсального фрейма. Вместе с тем абсолютные основания предметности в социальной антропологии все-таки не стоит уподоблять стандартным типовым переменным Т. Парсонса, которые уводят методологические споры в сторону неисчерпаемости логического пространства как такового и предлагают лишь стандартную универсальную матрицу передвижения в этом пространстве (или структуриации этого пространства на основе минималистской функциональной иерархии действия). Следует подчеркнуть, что в этом случае вполне сохраняется базисный статус отношения человека к своей ситуации: «Стандартные типовые переменные – это концептуальная схема для классификации компонентов системы действия, реляционная система “актер – ситуация”, которая включает множественность единиц действия» [13, р. 468].

Социально-антропологическая предметность – это постоянное преодоление интерактивности. Иначе говоря, в данном аспекте социального познания мы идем от взаимодействия, а не от действия (выходим за границы субъектности). Далее мы распознаем динамику преодоления взаимодействия (реализуем установку преодоления разобщенности субъектов). Логическое пространство здесь не является самоцелью описания функций, структур, артефактов, смыслов. Именно эти последние в их динамическом разнообразии и формируют абсолютную сравнимость любых культур и жизненных миров в силу их тотальной связанности социальной регуляцией.

Социально-регулятивные основания жизненных миров человека не могут быть сведены ни к проблеме этических категорий, ни к вопросу о статусе ценностей – социальная регуляция представляет собой динамику смыслов, отражающих стадии взаимодействия людей в общественной жизни. Не закрепленные и описанные нормы и стереотипы, составляющие кодексы и их контексты,

за которыми скрывается львиная доля арсенала гуманитарной эрудиции, но способы перехода, принцип движения от одного такого запечатления к другому. Эти способы перехода и принципы движения остаются «за кадром» социальных форм, возможно, еще и потому, что не изобретаются всякий раз применительно к исторической ситуации, но пребывают в идентичности, отчего и ненаблюдаемы в силу заведомой универсальности для субъекта познания. Если в сопоставлении культурных стереотипов автор вынужден преодолевать собственное отношение к одной из культур, которая является для него исходной (родной), то в вопросах понимания самого культурного сравнения и способов перехода таких разделений не возникает и они оказываются бессознательным постулатом общечеловеческого. Более того, именно незначительные с точки зрения универсальности пояснения к этим способам перехода и почитаются за авторское достоинство.

Разнообразие социально-антропологических начинаний несть числа. В этом отношении весьма поучителен тезис Георга Зиммеля о неизбежной избыточности социальных форм как существенного ресурса развития социальной жизни, когда индивидуальная человеческая душа в определенной степени повторяет «отношения уравнивающей унификации и индивидуальной демаркации» [14, р. 554]. Жизненный мир современного человека принимает очертания новой подлинности, являющей себя в повседневности, но схватываемой уже не столько в универсальных категориях и фреймах, но в разнообразии социально-антропологических установок и номинальных индикаторов в социологических исследованиях актуальной культуры.

Ссылки:

1. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016; Теория и жизненный мир человека / отв. ред. В.Г. Федотов. М., 1995.
2. Work for human development : human development report 2015 / director and lead author S. Jahan ; published for the United Nations Development Programme (UNDP). N. Y., 2015. 288 p.
3. Human development for everyone : human development report 2016 / director and lead author S. Jahan ; published for the United Nations Development Programme (UNDP). N. Y., 2016. 286 p.
4. Alkire S. Human development: definitions, critiques, and related concepts : background paper for the 2010 human development report : Oxford Poverty & Human Development Initiative working paper no. 36. Oxford, 2010. 56 p.
5. Beck U. Living in the world risk society. A Hobhouse Memorial Public Lecture given on Wednesday 15 February 2006 at the London School of Economics // *Economy and Society*. 2006. Vol. 35, no. 3. August. P. 329–345.
6. Волков В.Н. Человек и его жизненные миры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 7–27.
7. Баева Л.В. Виртуализация жизненного пространства человека и проблемы интернет-игровой зависимости [Электронный ресурс] // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства* : сетевой науч. журн. 2016. № 1 (11). Июнь. С. 7–19. URL: <http://cyberspace.pglu.ru/upload/iblock/b4f/02.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).
8. Пржиленская И.Б. Жизненный мир и целевые установки российских студентов // *Ценности и смыслы*. 2016. № 4 (44). С. 22–29.
9. Ним Е.Г. Жизненный мир и массмедиа: онтологические трансформации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 16 (197). Философия. Социология. Культурология. Вып. 17. С. 34–40.
10. Scheler M. *Ressentiment* / transl. by L.A. Coser from the text of 1915. 5th printing, corrected. Milwaukee, 2010.
11. Heidegger M. In memory of Max Scheler (1928) [Электронный ресурс] // *Stanford Religious Studies*. P. 159–160. URL: <http://religiousstudies.stanford.edu/wp-content/uploads/1928-IN-MEMORIAM-MAX-SCHELER.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).
12. Habermas J. *The future of human nature*. Cambridge, 2003.
13. Parsons T. Pattern variables revisited: a response to Robert Dubin // *American Sociological Review*. 1960. Vol. 25, iss. 4. August. P. 467–483.
14. Simmel G. Fashion // *The American Journal of Sociology*. 1957. Vol. 62, no. 6. May. P. 541–558.

References:

Alkire, S 2010, *Human development: definitions, critiques, and related concepts*, background paper for the 2010 human development report, Oxford Poverty & Human Development Initiative working paper no. 36, Oxford, 56 p., <https://doi.org/10.2139/ssrn.1815263>.

Baeva, LV 2016, 'Virtualization of human life space and problems of internet gaming dependence (IGD)', *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*, no. 1 (11), pp. 7-19, viewed 11 April 2017, <<http://cyberspace.pglu.ru/upload/iblock/b4f/02.pdf>>, <https://doi.org/10.17726/philit.2016.11.1.17>.

Beck, U 2006, 'Living in the world risk society. A Hobhouse Memorial Public Lecture given on Wednesday 15 February 2006 at the London School of Economics', *Economy and Society*, vol. 35, no. 3, August, pp. 329–345, <https://doi.org/10.1080/03085140600844902>.

Fedotov, GV (ed.) 1995, *Theory and the lifeworld of a human*, Moscow, (in Russian).

Habermas, J 2003, *The future of human nature*, Cambridge.

Heidegger, M 2017, 'In memory of Max Scheler (1928)', *Stanford Religious Studies*, pp. 159–160, viewed 11 April 2017, <<http://religiousstudies.stanford.edu/wp-content/uploads/1928-IN-MEMORIAM-MAX-SCHELER.pdf>>.

Human development for everyone: human development report 2016 2016, director and lead author S. Jahan, published for the United Nations Development Programme (UNDP), New York, 286 p.

Nim, EG 2010, 'Lifeworld and mass media: ontological transformations', *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 16 (197). *Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, Issue 17, pp. 34-40, (in Russian).

Parsons, T 1960, 'Pattern variables revisited: a response to Robert Dubin', *American Sociological Review*, vol. 25, iss. 4, August, pp. 467–483, <https://doi.org/10.2307/2092932>.

Przhilenskaya, IB 2016, 'Vital world and target settings of Russian students', *Tsennosti i smysly*, no. 4 (44), pp. 22-29, (in Russian).

Scheler, M & Coser, LA (transl.) 2010, *Ressentiment*, 5th printing, Milwaukee.

Simmel, G 1957, 'Fashion', *The American Journal of Sociology*, vol. 62, no. 6, May, pp. 541–558, <https://doi.org/10.1086/222102>.

Toshchenko, ZhT (ed.) 2016, *The lifeworld of Russians: 25 years later (the late 1980s – the middle 2010s)*, Moscow, (in Russian).

Volkov, VN 2012, 'A human and his lifeworlds', *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, no. 1, pp. 7-27, (in Russian).

Work for human development: human development report 2015 2015, director and lead author S. Jahan, published for the United Nations Development Programme (UNDP), New York, 288 p.